

**Алещенко А. В.**

## **СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ**

Верховный Суд Республики Беларусь,  
ул. Ленина, 28, 220030 Минск, Беларусь, *supreme@court.by*

Независимо от судьбы научной дискуссии о самостоятельности «исполнительного права» как отдельной отрасли права, неоспорима его генетическая связь с гражданским процессом. К примеру, Европейский суд по правам человека неоднократно отмечал, что по смыслу ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод исполнение судебного решения должно рассматриваться как составляющая часть судебного разбирательства [1, с. 152]. В связи с этим усилия законодателя направлены на создание эффективного механизма реализации субъективных прав в рамках принудительного исполнения постановлений судов и актов других юрисдикционных органов. Одним из факторов, способствующих выполнению этой задачи, является судебный контроль (по данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в 2017 г. судами удовлетворены жалобы по 43 % гражданских дел об оспаривании актов органов принудительного исполнения). Как известно, он может быть предварительным (применение косвенных мер принудительного исполнения, судебное санкционирование осмотра объектов недвижимости и др.) и последующим (разрешение дел об оспаривании действий, иных актов судебных исполнителей). Последующий судебный контроль осуществляется путем разрешения публично-правовых дел с участием сторон исполнительного производства (взыскателя, должника), судебного исполнителя, руководителя органа принудительного исполнения, лиц, чьи права и интересы нарушаются исполнением, а также прокурора.

Обоснованность отнесения гражданских дел по жалобам на постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, руководителя органа принудительного исполнения к предмету административной юстиции (гл. 29 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, далее – ГПК) не вызывает сомнений. Обусловлено это тем, что в основе этих процессуальных отношений лежит публично (административно)-правовой спор, в рамках которого проверяется законность действий (бездействия), постановлений (далее – актов) должностных лиц органов принудительного исполнения. Следует сказать, что о необходимости подобного законодательного решения справедливо отмечалось в юридической литературе и ранее [2, с. 263]. С этой точки зрения национальная модель судебного контроля за принудительным исполнением отвечает современным тенденциям развития процессуального права.

При внесении в ГПК изменений, связанных с принятием Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», отечественный законодатель пошел по пути специальной регламентации в параграфе 9

гл. 29 ГПК процедуры рассмотрения дел об оспаривании актов судебных исполнителей, стремясь, видимо, учесть специфику регулируемых отношений (в частности, необходимость максимально оперативного разрешения возникающих дел). Вместе с тем ряд положений правового регулирования, призванных отразить эти особенности, вызывают определенные вопросы.

Так, конструкция стадии возбуждения гражданского дела предполагает, что при наличии одних недостатков (неуплата госпошлины, несоблюдение требований к реквизитам заявления) заявление подлежит оставлению без движения на основании ст. 111 ГПК, а при других – отказ в возбуждении в связи с наличием к этому препятствий (ст. 246 ГПК) либо в связи с отсутствием права на обращение в суд (ст. 245 ГПК). Таково общее правило, которое касается как исковых споров, так и дел, возникающих из административно-правовых отношений, а также других видов производств. Институт «возвращения заявления без рассмотрения» (на стадии возбуждения дела) ГПК неизвестен, однако в связи с принятием Закона «Об исполнительном производстве» такая юридическая категория была введена (ч. 4 ст. 360-4 ГПК). Возможно, данное решение продиктовано необходимостью обеспечить оперативность судебной процедуры, стимулировать процессуальную активность сторон (по предварительному направлению копий жалоб и прилагаемых документов другим участникам процесса для подготовки к процессу уже на досудебном этапе). Но тогда остается непонятным, почему при наличии других недостатков, не оговоренных в ч. 4 ст. 360-4 ГПК, законодатель сохранил общие последствия. Так, при неуплате госпошлины суд на основании ст. 111 ГПК по-прежнему должен оставить жалобу без движения. Смысл подобной дифференциации процессуальной формы неясен. По существу в правовую материю ГПК без особой необходимости включен чуждый ему процессуальный элемент, не вписывающийся в общие положения ГПК.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовой природе установленного ч. 2 и 3 ст. 360-3 ГПК десятидневного срока на обращение с жалобой (протестом) в суд. Закон трактует этот срок как процессуальный, поскольку ч. 4 ст. 360-3 ГПК прямо предусматривает возможность его восстановления в порядке, установленном ст. 154 ГПК. Вопрос о восстановлении процессуального срока рассматривается в судебном заседании, по результатам чего суд выносит определение, которое подлежит апелляционному обжалованию. Но поскольку до решения вопроса о восстановлении срока жалоба (протест) в силу ст. 155 ГПК не могут считаться поданными, суд лишается возможности принять какое-либо процессуальное решение по вопросу возбуждения дела. Исходя из положений ст. 360-4 ГПК не имеется в таком случае оснований и для возвращения жалобы (заметим, что абз. 2 ч. 1 ст. 129 Закона «Об исполнительном производстве», из которого эта норма явно позаимствована, в отличие от ГПК, прямо называет пропуск срока как основание возвращения жалобы, поданной в порядке подчиненности). Если же вопрос о

восстановлении срока поставлен уже в ходе судебного разбирательства, как в таком случае поступать суду, ГПК ответа не дает. В результате суд сталкивается с правовой неопределенностью, созданной внутренней коллизией закона. При этом недоработка законодателя очевидна, поскольку рассматриваемый срок является в действительности не процессуальным (о чем ошибочно указано в ч. 4 ст. 360-3 ГПК), а материально-правовым, пропуск или отказ в восстановлении которого влечет отказ не в рассмотрении дела, а в удовлетворении требования. Не является этот срок и аналогичным сроку исковой давности, поскольку применяется судом *ex officio* без обязательного заявления заинтересованного лица. Вопросы исчисления, применения, восстановления названного срока – предмет судебного разбирательства, а не начальной стадии процесса.

Закон «Об исполнительном производстве» и ГПК по-разному регулируют обязательность соблюдения порядка предварительного внесудебного разрешения дела для прокурора. Если ч. 2 ст. 124 Закона прямо освобождает прокурора от этой обязанности (в отличие от других лиц), то ч. 2 ст. 360-3 ГПК подобного изъятия из общего правила не содержит. Указанные несоответствия явно не способствуют формированию правильной и предсказуемой судебной практики, дезориентируют участников судопроизводства и создают правовую неопределенность.

Приведенные примеры иллюстрируют, что отсутствие выверенного, системного, научно обоснованного подхода при имплементации в процессуальный закон новых юридических конструкций приводит в итоге к принятию внутренне несогласованного и противоречивого законодательного акта, порождающего трудности в его толковании и применении, что создает препятствия в защите прав и охраняемых законом интересов. Как верно отмечает В. П. Скобелев, согласованность между Законом «Об исполнительном производстве» и ГПК/ХПК отсутствует на уровне общих частей этих нормативных актов [3].

Однако то, что для научного сообщества – предмет дискуссии, для суда – повседневные практические вопросы, требующие немедленного разрешения. Суд не может в ожидании корректировки законодательства отказать в правосудии, а вынужден решить дело «здесь и сейчас». Именно поэтому в текущий момент столь значима роль прецедента судебного толкования [4, с. 3] как на уровне нормативного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (принятие которого по освящаемой тематике видится в краткосрочной перспективе необходимым), так и при применении высшей судебной инстанцией правовой нормы по конкретному делу. В этой своей деятельности Верховный Суд Республики Беларусь опирается не на формально-догматическое, а на «сущностное» толкование и применение права. Формирование же судебной практики с позиций юридического позитивизма, который признает только «букву закона», представляется принципиально ошибочным [5, с. 30].

На основе этих принципов при применении положений ст. 360-3 ГПК о сроке обращения в суд Верховный Суд Республики Беларусь, фактически

используя способ толкования *contra legem*, ориентирует суды на то, что вопрос о применении, восстановлении этого материально-правового срока является предметом судебного разбирательства и разрешается при вынесении решения по делу. Думается, такая правая позиция обеспечивает и больший доступ к правосудию.

По вопросу о статусе прокурора в публично-правовом споре Верховный Суд на основе системного и телеологического толкования правовых норм, с учетом решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 13 октября 2016 г. «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», а также исходя из публично-правового характера прокурорских функций и полномочий, призванных обеспечить защиту прав и законных интересов других лиц, полагает, что обязательного соблюдения порядка предварительного внесудебного разрешения дела для прокурора не требуется и он вправе обратиться с протестом непосредственно в суд.

Рассуждая о способе правовой регламентации судебного контроля в исполнительном производстве, следует отметить, что в правовых системах ряда государств ЕАЭС воспринят другой, как представляется, заслуживающий внимания подход. К примеру, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) предусматривает рассмотрение таких дел в рамках производства по административным делам об оспаривании действий (бездействия), решения органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего (гл. 22 КАС РФ), не обособляя соответствующие нормы в отдельный вид производства. Общие положения и гл. 22 КАС РФ выделяют лишь некоторые особенности в части правил подсудности этой категории дел (ч. 3 ст. 24), а также сроков обращения с административным иском заявлением (ч. 3 ст. 219) и сроков рассмотрения дела (ч. 3 ст. 226). Аналогично урегулированы процессуальные отношения и в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 38, 199, 200). ГПК Республике Казахстан, являясь единым процессуальным регламентом для рассмотрения всех гражданских споров, также структурно не выделяет процедуру рассмотрения дел названной категории в отдельный вид гражданского судопроизводства.

Ввиду незначительной специфики анализируемых процессуальных отношений, думается, что их дальнейшее законодательное регулирование могло бы идти по пути инкорпорации положений параграфа 9 в параграф 6 гл. 29 ГПК (с сохранением правил о сокращенных сроках обращения за судебной защитой и сроке рассмотрения дела). Это же применимо и к Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – ХПК), правила которого, посвященные оспариванию актов органов принудительного исполнения, содержатся только в ст. 266-3 (в главе «Иные виды производств в суде, рассматривающем экономические дела, первой

инстанции»)), тогда как в ХПК имеется глава 25, закрепляющая процедуру административного судопроизводства в экономической юрисдикции, в которой могут быть урегулированы эти вопросы. Названный подход мог бы быть учтен и при подготовке единого ГПК.

Примечательно, что параграф 9 гл. 29 ГПК регламентирует процедуру оспаривания только тех актов органов принудительного исполнения, которые связаны с непосредственным исполнением исполнительных документов. Если же предметом обжалования становятся иные акты этих органов, то не исключается их судебная проверка в порядке, установленном параграфом 6 гл. 29 ГПК. Представляется, что подобный дуализм в юридическом регулировании однородных процессуальных отношений не имеет достаточных оснований.

### **Библиографический список**

1. Жуйков, В. М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию / В. М. Жуйков. – М. : Статут, 2006. – 283 с.

2. Колядко, И. Н. Общая характеристика производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, в гражданском процессе / И. Н. Колядко // Специализация в судебной системе Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие : в 2 кн. Кн. 1 : Специализация в общих судах Республики Беларусь / редкол.: В. П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2013. – С. 259–269.

3. Скобелев, В. П. Законодательство меняется – проблемы остаются / В. П. Скобелев // Промышленно-торговое право. – 2017. – № 5. – С. 18–21.

4. Минец, И. Н. Правовая природа и значение для правоприменительной практики постановлений Пленума Верховного Суда / И. Н. Минец // Судовы веснік. – 1999. – № 4. – С. 2–4.

5. Момотов, В. В. Толкование правовых норм Верховным Судом Российской Федерации в контексте современной правовой системы / В. В. Момотов // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 30–39.

***Ананич С. М.***

### **К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ О ДЕТЯХ**

Белорусский государственный университет  
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, Белорусская нотариальная  
палата, ул. Красноармейская, 24а, *s.ananich@tut.by*

Родители должны создавать необходимые условия для полноценного развития, воспитания, образования, укрепления здоровья ребенка и подготовки его к самостоятельной жизни в семье и обществе (ст. 17 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка»). Реализация данных полномочий родителей и исполнение ими